

© 2015 г.

В.К. РУСАКОВСКИЙ

ФРАНЦУЗСКОЕ ДУХОВЕНСТВО, КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ И ПАПСКИЙ ПРЕСТОЛ В 1789 году

Французская революция 1789 г. – одно из величайших событий в мировой истории, коренным образом трансформировавшее существующий общественный порядок. Ей предшествовал королевский указ о созыве высшего сословно-представительного учреждения – Генеральных штатов, до этого не собиравшихся почти 200 лет. Весной 1789 г. во Франции проходила выборная кампания, во время которой представителями сословий в различных регионах страны были созданы наказы – инструкции для своих депутатов в Ассамблее Генеральных штатов. В наказах содержалась программа их составителей, а также перечень наиболее актуальных политических, экономических и социальных требований. Наказы являются важнейшим источником для изучения общественных настроений накануне революции. Отечественная историография не оставила эти документы без внимания. В частности, они изучались таким крупным советским историком, как А.В. Адо, который рассматривал в своем исследовании тексты крестьянских наказов, и Л.А. Пименовой, сосредоточившейся на дворянской программе, содержавшейся в наказах¹. В настоящей статье продолжена традиция изучения наказов. В ней проанализированы документы, исходящие от первого привилегированного сословия – духовенства.

* * *

С давних времен французская церковь имела особые взаимоотношения с Папским престолом в связи с заслугами французских монархов перед Ватиканом и своей “древностью” – Франция приняла христианство еще в V в. Ее правитель носил почетный титул “le roi très chrétien” – “христианнейший король, старший сын церкви”. Этот титул многократно даровался французским королям Римским престолом, а в XV столетии был закреплен за ними навсегда². Идея “избранности” королевства неоднократно встречалась в произведениях французских легистов раннего Нового времени.

Ряд религиозных и правовых доктрин, обосновывавших особое положение французской церкви по отношению к Риму и формировавших особую систему отношений между Папой и французским духовенством, получил название “галликанизм”. Впервые этот термин был употреблен на I Ватиканском соборе в 1869 г. Ранее для характеристики этого статуса французской церкви использовались такие термины, как “галликанские свободы”, “древние свободы галльской церкви” и т.д.³ Считается, что

Русаковский Владимир Константинович – аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

¹ См.: Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789 – 1794 гг. М., 1974; Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986.

² Малинин Ю.П. Франция в эпоху позднего средневековья. СПб., 2008, с. 246.

³ Цатурова С.К., Пименова Л.А. Галликанизм. – Православная энциклопедия, т. 10. М., 2005, с. 350.

идеология галликанизма зародилась еще в Средневековье, а в Новое время получила дальнейшее обоснование в произведениях королевских легистов, что было связано с формированием французского централизованного государства. Различные социальные институты (королевская власть, парламенты, церковь) трактовали идеи галликанизма по-разному, в связи с чем в современной историографии различаются несколько типов галликанизма.

Систематическое изучение галликанизма началось в XX в., когда и наметились две тенденции в его освещении. Согласно первой из них, главным проводником политики галликанизма являлось абсолютистское государство. По мнению исследователей, придерживающихся данной точки зрения, суть галликанизма заключалась в желании государства распространить свое влияние на все сферы общественной жизни и все социальные институты, в том числе и на церковь. Подобным образом галликанизм освещается в работах Р. Мунье, Г. Метивье, М. Фожель, Ф.-К. Эммануэли⁴. Сторонники другой концепции рассматривают проблему галликанизма с точки зрения не государственно-церковных, а церковно-государственных отношений. Галликанизм, считают они, был течением, возникшим в среде клира. В его основе лежало представление об особой роли французской церкви и ее привилегированном положении по отношению к Папскому престолу. При этом представители церкви нередко опирались на королевскую власть, используя ее в качестве естественного союзника в борьбе с Папским престолом. Такую позицию можно встретить в работах Ж. Тома, В. Мартена, П. Бле⁵.

Достаточно узкие и односторонние трактовки галликанизма сохраняются и до сих пор. К примеру, в одном из последних изданий Французского теологического словаря галликанизм рассматривается как явление сугубо политическое, в основе которого лежит представление о разделении светской и церковной власти, и как характеристика взаимоотношений между монархией и Папским престолом, а также между монархией и французской церковью⁶.

В последние годы большинство специалистов трактуют галликанизм более широко и универсально, считая его не только совокупностью церковных, политических и правовых доктрин, обосновывающих привилегированное положение французской церкви по отношению к Папскому престолу, но в целом и системой взаимоотношений между монархией и французской церковью, с одной стороны, и французской церковью и Римом – с другой⁷. Такая точка зрения представляется более взвешенной, поскольку позволяет рассмотреть французский галликанизм во всем его многообразии и понять истоки этого явления.

С давних пор взаимоотношения между Папским престолом и французской церковью регулировали особые правовые соглашения. Важнейшими из них были Прагматическая санкция (1438 г.) и Болонский конкордат (1516 г.). Они разграничивали полномочия Папы и короля в важнейших для церкви вопросах, связанных с инвеститурой (т.е. утверждением священнослужителей в духовном сане) и владением церковными землями.

Согласно Прагматической санкции была установлена выборность высших чинов духовенства (аббатов и епископов) капитулами и монастырскими общинами. При этом

⁴ *Mousnier R.* État et société sous François 1-er. Paris, 1967; *idem.* Les institutions de la France sous la monarchie absolue 1598–1789, v. 1–2. Paris, 1974; *Methivier H.L.* Ancien régime. Paris, 1968; *Fogel M.* L'état dans la France moderne de la fin du XVe au milieu du XVIIIe siècles. Paris, 1992; *Emmanuel F.X.* État et pouvoirs dans la France de XVI–XVIII siècles. La métamorphose inachevée. Paris, 1992.

⁵ *Thomas J.* Concordat de 1516, ses origines, son histoire au XVI siècle. Paris, 1910; *Martin V.* Les origines du gallicanisme, v. 1–2. Paris, 1939; *Blet P.* Le clergé de France et la monarchie. Étude sur les assemblées générales du clergé de 1615 à 1666, v. 1–2. Rome, 1959.

⁶ Dictionnaire critique du théologie. Publ. sous la direction de J.-I. Lacoste. Paris, 1998.

⁷ *Van Kley D.* The Religious Origins of the French Revolution. Yale, 1996; *Плешкова С.Л.* Франция XVI – начала XVII века: королевский галликанизм. (Церковная политика монархии и формирование официальной идеологии). М., 2005.

церковь получила право раздавать бенефиции (утверждать прелатов в должности и передавать в их владение землю) и согласовывать размер аннатов – денежных отчислений в пользу Папы, выплачиваемых при получении церковного бенефиция. Король мог рекомендовать своих кандидатов на должности, однако представители духовенства имели право отклонить предложенную кандидатуру. За Папой сохранялось право утверждать решения французского духовенства. Прагматическая санкция предусматривала также приоритет власти церковных соборов над властью Папы⁸.

Дальнейшие успехи королевской власти в деле централизации страны и продолжавшийся поиск компромисса с Папским престолом в вопросах инвеституры привели к появлению нового документа – Болонского конкордата. Он закреплял порядок назначения на высшие церковные должности. Право назначать прелатов переходило к королю, однако Папа мог наложить вето на избрание того или иного кандидата, и в этом случае монарху надлежало в течение трех месяцев предложить новую кандидатуру. Король получил практически неограниченное право распоряжаться доходами с вакантных церковных бенефициев. В конкордате отсутствовало положение о приоритете власти соборов над Папой⁹.

При сравнении Болонского конкордата с Прагматической санкцией становится очевидным, что в последнем документе существенно урезалась автономия церкви и усиливалось вмешательство в ее дела как короля, так и Папы. Католическая церковь и французская монархия оказались тесно связанными. Во-первых, король по Болонскому конкордату получил право активно вмешиваться в жизнь церкви, назначая на должности прелатов и распоряжаясь значительной частью церковного земельного фонда, во-вторых, сама королевская власть со временем попадала в зависимость от французского духовенства.

Король часто был вынужден обращаться к представителям церкви, которые располагали значительными материальными средствами, за денежными займами, чтобы покрыть дефицит государственного бюджета. Долги центральной власти разрослись до таких размеров, что накануне революции превратились в один из ключевых вопросов во взаимоотношениях между представителями церкви и королевской администрацией.

Французская церковь являлась важнейшей опорой королевской власти. В ряде правовых актов, в частности в сочинениях королевских юристов XVI–XVII вв., католицизм провозглашался опорой монархии¹⁰. Духовенство короновало монарха и принимало деятельное участие в сакрализации его персоны. Король становился не только выразителем национальных и государственных интересов, но и воплощением божественной воли.

В XVII столетии королевская власть начала все интенсивнее вмешиваться в дела церкви. В 1660-е годы это привело к открытому конфликту с Папским престолом. Он возник из-за права “регалии”, зафиксированного Болонским конкордатов, согласно которому король мог пользоваться доходами с вакантных церковных бенефициев (в период после смерти одного и до назначения нового епископа) и по своему усмотрению жаловать бенефиции. Когда Людовик XIV расширил действие этой правовой нормы на земли, присоединенные к королевству после заключения Болонского конкордата, это вызвало резкий протест со стороны Папы. Показательно, что большая часть французского клира выступила на стороне короля¹¹.

⁸ Pragmaticque Sanction de Charles VII, sur l'autorite de Conciles Generaux, les Collations des Benefices, Elections, Expectatives, Appellations, Annates, la celebration de l'Office Divin autres matieres Ecclesiastiques. – Ordonnances des rois de France de la troisieme race, v. 13, p. 267–291. – URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k108684h/f368.image> (?); Пleshкова С.Л. Указ. соч., с. 33.

⁹ Raccolta di Concordati tra la Santa Sede e le autorità civili. Vatican, 1919, p. 233; Пleshкова С.Л. Указ. соч., с. 35.

¹⁰ Шаповалова Е.В. Модель галликанства в церковно-политической концепции кардинала Ришелье. М., 2012 (автореф. канд. дисс.).

¹¹ См. Цатурова С.К., Пименова Л.А. Указ. соч., с. 353.

Идеологическим обоснованием доктрины галликанизма стала “Декларация четырех статей” (1682 г.), составленная епископом Боссюэ. В ней провозглашалась независимость французского короля от Папы в светских делах, декларировалось верховенство Вселенских соборов над Папой Римским и разграничивались их полномочия. В декларации шла речь и о традиционных галликанских вольностях (в том числе о церковных соборах), которые должны были оставаться неприкосновенными. Формально эта декларация должна была способствовать усилению автономии французской церкви от Папского престола, но практически она санкционировала дальнейшее вмешательство королевской власти в дела церкви¹². Людовик XIV смог вновь одержать победу над Папой, поскольку “Декларация четырех статей” была зарегистрирована в парламенте и вошла в число законов королевства.

В дальнейшем король проводил более осторожную политику и избегал конфликтов с Папским престолом, так как ситуация внутри страны изменилась. В связи с распространением во французской церкви движения янсенистов королевской власти понадобилась поддержка для борьбы с этой “ересью”, и монарху пришлось налаживать отношения с Римом¹³. В 1713 г. Папа издал буллу “Unigenitus”, где осудил произведение “Новый завет с моральными размышлениями”, написанное вождем янсенистов Пасхазием Кенелем, в комментариях к которому автор привел некоторые положения, характерные для янсенистов. Этот документ вызвал неоднозначную реакцию в стране – как среди клира, так и мирян – и спровоцировал конфликт между королем и парламентом, поскольку в тексте папской буллы содержались статьи, которые можно было трактовать как посягательство на галликанские свободы. Папа требовал, чтобы текст буллы был безоговорочно принят французским духовенством без предварительного созыва национального церковного собора. Он вознамерился наказать одного из высших церковных иерархов, парижского архиепископа кардинала Ноая, сочувствовавшего взглядам Кенеля, и вызвал его в Рим, чтобы судить и лишить сана.

Эти факты многие представители клира сочли ущемлением традиционных галликанских свобод и вмешательством во внутренние дела французской церкви¹⁴. Большая часть духовенства выступила за созыв собора для обсуждения буллы. Конфликт из религиозного превратился в политический, ведь среди сторонников янсенистов было немало влиятельных людей как в парламентах, так и среди деятелей церкви. По мнению американского исследователя Т. Текетта, в первой половине XVIII в. значительное количество епископов были сторонниками янсенизма¹⁵.

В XVIII в. идеи галликанизма получили свое дальнейшее развитие. Исследователи выделяют несколько его разновидностей. Согласно современной типологии, существовал галликанизм королевский, парламентский и церковный¹⁶. Первый проявлялся во взаимоотношениях между монархом и Папским престолом и был связан со стремлением королевской власти напрямую контактировать с Ватиканом, вмешиваться в дела французского клира и распоряжаться церковными бенефициями.

Центром распространения следующего типа галликанизма стали французские парламенты и университетская среда. Формально суть этого течения сводилась к тому, чтобы лишить Папу всех полномочий, касавшихся сфер мирской жизни, и передать их монарху. В действительности имели место случаи, когда парламенты вмешивались в чисто богословские споры, причем руководствуясь собственной точкой зрения, оппозиционной по отношению и к Папе, и к королю. В 1731 г. парламентом была создана радикальная декларация из четырех статей, в которой обосновывалась независимость светской власти от духовной. В документе подчеркивалось, что священнослужители обязаны подчиняться светским властям, церковные каноны и постановления могут

¹² Там же.

¹³ *Préclin E.* Les Jansénistes du XVIIIe siècle et la Constitution civile du Clergé. Paris, 1929.

¹⁴ *Цатурова С.К., Пименова Л.А.* Указ. соч., с. 354.

¹⁵ *Tackett T.* La Révolution, l'église, la France. Paris, 1986, p. 148.

¹⁶ *Плешкова С.Л.* Указ. соч., с. 8.

иметь силу закона лишь по решению короля. При этом оговаривалось, что в случае неповиновения власти могут применять силу по отношению к священнослужителям¹⁷. Члены парламента оказались более радикальными, чем королевская власть. Королевский совет не признал за декларацией силы закона.

Еще одной разновидностью этого течения считается церковный галликанизм. Его сторонники выступали за ограничение власти Папы соборами и считали короля покровителем галликанской церкви. По мнению ряда исследователей, этот вид галликанизма наибольшее распространение получил среди священнослужителей¹⁸. Представители духовенства подчас по своему усмотрению вносили изменения в богослужебные книги, тексты молитв переводились на французский язык, при этом из них изымались отрывки, где речь шла о необходимости подчиняться воле Папы.

Таким образом, в XVIII в. галликанизм был влиятельным и разветвленным течением, которое пользовалось поддержкой не только королевской власти, но и парламента, а также клира.

* * *

Как же члены духовного сословия в массе своей относились к особому статусу французской католической церкви в кризисный период, непосредственно предшествовавший Французской революции 1789 г.? Какие возможные пути развития взаимоотношений между церковью и королевской властью, с одной стороны, и между французской церковью и Папским престолом – с другой, они предлагали?

Ответы на эти вопросы содержат указы депутатам от французского духовенства, составленные в ходе выборной кампании в Генеральные штаты весной 1789 г. По свидетельству многих специалистов, в частности, Дж. Маркова и Дж. Шапиро, досконально изучивших тексты наказов, эти документы в достаточной мере позволяют судить об умонастроениях французов накануне революции¹⁹.

Основу данной статьи составили 196 наказов представителей духовенства, исходивших из бальяжей и сенешальств (судебных округов, где избирались депутаты в Генеральные штаты) и опубликованных в “Парламентских архивах”²⁰. Это – документы со всей территории страны, кроме тех, которые по тем или иным причинам не вошли в сборник “Парламентских архивов” (были уничтожены, не были найдены в местных архивах и т.д.). Наиболее репрезентативными для выяснения программы, с которой духовенство пришло в Генеральные штаты, являются указы бальяжей и сенешальств – сравнительно крупных территориальных образований, откуда выбирались депутаты Генеральных штатов. Им и вручались эти указы.

Тексты наказов достаточно подробно изучались в научной литературе с различных позиций. В том числе был проведен их статистический анализ, основанный на применении количественных методов, используя которые, авторы сопоставляли различные группы требований, исходивших от разных сословий и регионов страны²¹.

Однако большинство исследователей уделяло внимание идеологии дворянства и третьего сословия. Даже в упомянутой работе Маркова и Шапиро сопоставляются прежде всего взгляды второго и третьего сословия. Первое сословие упоминается крайне редко, зачастую ссылки на него носят лишь общий, иллюстративный характер. Таким образом, проблема, связанная с отношением представителей духовенства к существовавшей во Франции накануне революции системе взаимоотношений церкви

¹⁷ *Maire C.* De la cause de Dieu à la cause de la Nation: Le jansénisme au XVIIIe siècle. Paris, 1998.

¹⁸ *Плешкова С.Л.* Указ. соч., с. 8.

¹⁹ *Shapiro G., Markoff J.* Revolutionary Demands: a Content Analyses of the Cahiers de Doléances of 1789. Stanford, 1998.

²⁰ Archives parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises. Ed. J. Mavidal, E. Laurent, v. 1 – 6. Paris, 1868 – 1879.

²¹ *Shapiro G., Markoff J.* Op.cit.

с Папским престолом и королевской властью, практически не получила отражения в научных работах.

Обращаясь непосредственно к текстам наказов, в первую очередь отметим, что составленные представителями духовенства тексты не отличались однородностью и были крайне разнообразны как с точки зрения структуры, стиля, внутренней логики, так и характера содержащихся в них требований. В рядах духовенства отсутствовал консенсус в вопросах, касавшихся не только политического развития королевства, но даже внутрицерковных дел.

Изучение текстов этих наказов приводит к выводу, что духовенство тяготело к различным идеологическим полюсам, один из которых можно охарактеризовать как консервативный, а второй – как умеренно-либеральный. Представители первого выступали за сохранение существующей системы управления государством без значительных изменений. При этом в текстах их наказов, конечно, могла присутствовать критика отдельных сторон существующего строя: действий местной администрации, произвола королевских судей, “писем с печатями”²² и т.д.

Умеренно-либеральное духовенство ратовало за проведение ряда важных реформ – периодичность созыва Генеральных штатов, передачу им законодательных полномочий, учреждение провинциальных штатов в каждой провинции, ограничение власти короля в налоговой сфере и др. При этом так же, как и консервативно настроенная часть духовенства, оно считало монархический строй единственно возможным и целесообразным, а церковь – важнейшей опорой и союзницей королевской власти.

О своей приверженности монархическому строю как основополагающему и единственно возможному составители напрямую заявляли примерно в 70% исследованных наказов. Члены первого сословия бальяжа Аваль писали: “Депутаты Генеральных штатов считают своим долгом выразить королю свое обожание и признательность его священной особе и напомнить о нашей незыблемой привязанности к правящему дому и монархической конституции”²³. Здесь звучит характерное для многих преамбул к наказам выражение покорности и благодарности правящей династии. Весьма убедительно показали взаимосвязь незыблемости королевской власти с престижем католической религии члены собрания бальяжа Приморская Фландрия. Выражая благодарность монарху за его мудрость, справедливость и благожелательность, они заявляли о необходимости поддерживать престиж католической религии и уважение к ней, поскольку, по их словам, без религии страдают нравы, а это наносит ущерб не только общественному благополучию, но и государственной власти. В связи с повсеместным падением нравов составители наказа опасаются, что “люди скоро позабудут, что король является образом Бога на земле, и предадутся философским идеям, способным погрузить страну в хаос”²⁴. Представители духовенства поддерживали сакральную концепцию королевской власти, характерную еще для средних веков, согласно которой королевская власть имеет божественное происхождение²⁵, и осуждали философию просветителей, считая ее опасной для государства и церкви.

Похожие пожелания имели место и в наказе бальяжа Амьен. “Мы просим, – говорилось там, – поддержать священную католическую религию – основу и силу государства, источник общественного благоденствия”²⁶. Духовенство бальяжа Витри Лё Франсуа просило короля “уважать древний закон наших предков и настаивать, чтобы римская католическая религия сохраняла свой статус единственной господствующей религии в королевстве, а публичное отправление культа адептов какой-либо

²² “Lettres de cachet” – королевские указы, по которым того или иного человека могли лишить свободы без судебного постановления.

²³ Archives parlementaires, t. 2, p. 137.

²⁴ Ibid., p. 168.

²⁵ *Малинин Ю.П.* Указ. соч., с. 247.

²⁶ Archives parlementaires, t. 1, p. 732.

другой веры должно быть строго запрещено законом”²⁷. В данном тексте, очевидно, выражен протест против изданного королем в 1787 г. “Эдикта, касающегося тех, кто не исповедует католической веры”, частично уравнившего протестантов в правах с католиками.

Духовенство бальяжа Амон определяло роль католической религии в жизни общества так: “Религия – это священные узы, связывающие нацию с королем, отражением божественного образа, монарха со своими подданными, как отца семейства с детьми, и, наконец, короля и его народ с Богом, единственным создателем и хранителем империй”²⁸. Здесь мы видим сочетание двух концепций королевской власти – сакральную и патерналистскую, когда король отождествляется с отцом семейства, окруженным любящими чадами.

В наказе сенешальства Анжер подчеркивалось, что “римская католическая религия, которая во все времена была источником славы и благополучия этой империи, должна защищаться государством”²⁹. Помимо идеи о неразрывной связи католической религии с монархическим государством, составители наказа в данном случае использовали очень старую концепцию, разработанную еще средневековыми легистами, согласно которой французское королевство именовалось империей – правопреемницей Римской империи и державы Карла Великого³⁰.

Представители духовенства делали акцент на роли религии в качестве важнейшей основы королевской власти и противопоставляли религиозную идеологию распространявшимся новым философским идеям, способным, по их мнению, подорвать государственные устои. Духовенство бальяжа Санс особо отмечало связь между религией и государственной властью, подчеркивая то, что в монархических государствах религия является одной из наиболее надежных опор престола³¹. Похожие чувства выражали представители духовенства провинции Берри: “Римская католическая вера – единственная истинная религия. Более древняя, нежели монархия, она пришла в королевство во времена Хлодвига. Она единственная должна господствовать в королевстве, так как является верной союзницей монархии”³².

Сходные тенденции проявляются и в наказе сенешальства Пуатье, где говорится, что депутаты во время заседаний должны проявлять мудрость, осмотрительность и умеренность, с тем чтобы в Генеральных штатах царили мир и согласие – лучшие гарантии общественного блага³³. Составители наказа рассматривают всех подданных монарха как одну большую семью, собравшуюся перед своим общим отцом – королем.

В данном случае первое сословие выступало как верный союзник королевской власти. Если между ними и имелись противоречия, то они отходили на второй план перед надвигающейся угрозой революции. В значительном числе наказов проявлялась обеспокоенность в связи со сложившейся в стране нестабильной ситуацией. Представители парижского духовенства заявляли: “Мы защищаем древние принципы государственного устройства Франции и сильно встревожены угрозой революции, которую опасные и странные идеи порождают в умах”³⁴.

Как видно из текстов наказов, их авторы тесно связывали религию и государственную власть. Духовенство рассматривало короля в качестве защитника интересов католической религии перед лицом новой философии и новых идей, способных привести к масштабной дехристианизации. В свою очередь власть короля, считали они, также нуждается в поддержке церкви, освящающей его особый статус лица сакрального,

²⁷ Ibid., t. 6, p. 207.

²⁸ Ibid., t. 1, p. 760.

²⁹ Ibid., t. 2, p. 30.

³⁰ *Малинин Ю.П.* Указ. соч., с. 226.

³¹ Archives parlementaires, t. 5, p. 748.

³² Ibid., t. 6, p. 507.

³³ Ibid., p. 389.

³⁴ Ibid., t.5, p. 264.

представителя Бога на земле. Вспомним, что усиление королевской власти в раннее Новое время, рост ее авторитета и престижа во многом способствовали формированию французского галликанизма.

В наказах часто содержатся призывы возобновить работу провинциальных церковных соборов – важных институтов, позволяющих укрепить авторитет церкви. Такие призывы встречаются приблизительно в 60% наказов (в 119 документах из 196). Духовенство бальяжа Сомюр заявляло: “Одним из важнейших способов для поддержания церковной дисциплины и церковных свобод является возобновление церковных соборов и восстановление свободы выборов, которая была упразднена конкордатом между Франциском I и Папой Львом X”³⁵. Речь здесь идет о поддержании соборного начала, являвшегося отличительной чертой церковного галликанизма, а под свободой выборов понимается восстановление выборности высших церковных должностей, закрепленной в Прагматической санкции и впоследствии отмененной Болонским конкордатом.

Духовенство бальяжа Амьен также просило короля согласовать проведение церковных соборов для поддержания авторитета религии. При этом оно ссылалось на декларацию духовенства 1646 г., когда священнослужители обращались к королю со сходной просьбой. Церковные соборы рассматривались как важный механизм для поддержания пошатнувшегося авторитета церкви и идеологического противоядия новым идеям и новой философии³⁶. Духовенство бальяжа Руан в своем наказе писало, что “деятели церкви стремятся сохранить соборы в качестве единственного барьера, который может остановить волну безбожных произведений и повсеместное падение нравов. Только они способны противостоять развитию губительной философии, каждый день умножающей свои атаки на религию и церковь”³⁷.

Похожие призывы присутствуют и в наказе бальяжа Санс. “Это всем известная истина, – говорится там, – что мы на протяжении вот уже более чем сотни лет требуем, чтобы регулярно собирались провинциальные соборы, и сейчас, как никогда, необходимо восстановление этих старинных и спасительных для королевства институтов”³⁸. Составители наказа предлагали двухуровневую систему органов церковного самоуправления, состоящую из церковных соборов и совета диоцеза (епархии). Эти учреждения, по мысли авторов наказа, должны были гармонизировать взаимоотношения между священнослужителями и способствовать формированию единого мнения по различным вопросам. Духовенство бальяжа Труа выражало сходные пожелания, настаивая, однако, на трехуровневой системе органов церковного самоуправления, состоящей из национального церковного собора, провинциального собора и собора диоцеза³⁹. Аналогичные просьбы содержал и наказ сенешальства Ангумау. В нем духовенство просило восстановить провинциальные соборы и соборы диоцеза, мотивируя это тем, что как механизм для поддержания нравственности, религии и церковной дисциплины они зарекомендовали себя с наилучшей стороны. По мысли составителей наказа, в деятельности церковного собора должны принимать участие как монахи, так и представители белого духовенства⁴⁰.

Другим спорным вопросом был вопрос о назначении на высшие церковные должности и распоряжении церковными бенефициями. “Ничто так не интересует деятелей церкви, как назначение на высшие церковные должности и распоряжение церковными бенефициями”, – признавало духовенство бальяжа Амьен⁴¹. Как писали члены первого сословия, королевская власть обременена большой заботой и ответственностью, свя-

³⁵ Ibid., p. 720.

³⁶ Ibid., t. 1, p. 733.

³⁷ Ibid., t. 5, p. 590.

³⁸ Ibid., p. 748.

³⁹ Ibid., t. 6, p. 73.

⁴⁰ Ibid., t. 2, p. 2.

⁴¹ Ibid., t. 1, p. 733.

занной с выбором достойнейших кандидатов на ту или иную должность и их дальнейшим назначением.

Некоторые составители наказов полагали, что подбором кандидатов на высшие должности должны заниматься церковные соборы. Для того чтобы снять эту ношу с плеч короля и чиновников администрации, они предлагали созвать собор из самых достойных представителей церкви, который составит список наиболее подходящих претендентов на церковные должности, а король сможет выбрать из них наилучших. Предложение о создании особого церковного органа для отбора кандидатов на церковные должности не было единичным. Например, в наказе сенешальства Анжу предлагалось создать особый собор совести для поиска наиболее подходящих для назначения кандидатур⁴².

В наказах часто поднимались вопросы, связанные с критериями подбора достойных кандидатов. В частности, требование подбирать кандидата на церковную должность, исходя не столько из его знатности, сколько из личных качеств, характерно для значительного числа наказов духовенства. Так, члены собрания бальяжа Труа советовали королю при выборе кандидата «смотреть не на его происхождение, а на то, какими достоинствами он обладает»⁴³. Составители этого документа также полагали, что даже на высшую должность может быть назначен как любой представитель белого духовенства, так и монах, вне зависимости от его происхождения⁴⁴. Похожие умонастроения прослеживаются и в наказе сенешальства Тулуза, содержащем просьбу к королю давать бенефиции лишь достойным деятелям церкви, наиболее талантливым или оказавшим государству важные услуги, независимо от их титула и происхождения⁴⁵.

Кроме того, составители наказа просили короля при назначении на высшую церковную должность выбирать претендента из числа уроженцев той провинции, где появилась вакантная должность, причем такого, который уже занимался пастырской деятельностью в этой местности.

Текст данного наказа свидетельствует: представители духовенства вовсе не возражали против того, чтобы кандидаты назначались королем, а не церковным собором, однако они хотели, чтобы эти люди соответствовали определенным критериям. Вообще, требование выбирать кандидата из числа местных уроженцев присутствует в большом количестве наказов. Так, духовенство бальяжа Приморская Фландрия рекомендовало королю назначать на должность местных прелатов, выходцев из их провинции. При этом, по мнению составителей наказа, правом на получение бенефиция должен обладать человек, достигший преклонного возраста, не менее 10 лет занимавшийся пастырским трудом либо церковным образованием в данной местности⁴⁶.

Другое важное требование, содержащееся в значительном количестве наказов, состояло в том, чтобы запретить одному человеку пользоваться доходами с нескольких церковных бенефициев. Такая распространенная практика приводила к тому, что многие кандидаты, назначенные королем и подчас даже не имевшие непосредственного отношения к церкви, концентрировали в своих руках огромные доходы и значительную часть церковного земельного фонда. Представители духовенства бальяжа Аваль писали, что практика передачи нескольких бенефициев одному лицу должна быть упразднена, подчеркивая, что она идет вразрез с постановлениями Тридентского собора⁴⁷.

Духовенство, таким образом, хотело расширить церковную автономию в сфере назначения высших священнослужителей и ограничить монополию королевской власти, создав особые институты, занимающиеся отбором кандидатов на эти должности и предъявляя каждому из них определенные требования. Рассуждая о роли церков-

⁴² Ibid., t. 2, p. 81.

⁴³ Ibid., p. 73.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibid., t. 6, p. 28.

⁴⁶ Ibid., t. 2, p. 169.

⁴⁷ Ibid., p. 138.

ных соборов в деле назначения прелатов, первое сословие выражало протест против норм Болонского конкордата. Здесь обнаруживается его стремление к возврату к Прагматической санкции, в которой оговаривалась роль соборов в избрании церковных иерархов.

Напрямую о необходимости восстановления Прагматической санкции говорилось лишь в 14 из 196 наказов, т.е. примерно в 7% рассмотренных документов. Аннулировать Болонский конкордат и возобновить действие Прагматической санкции просило, в частности, духовенство бальяжа Туль⁴⁸. Авторы наказа бальяжа Авенсен также писали о необходимости восстановления Прагматической санкции и отмены комменды (практики, при которой наделение бенефициями происходит без введения их владельца в должность)⁴⁹.

Помимо соборов, представители духовенства иногда писали и о других органах церковного самоуправления – ассамблеях духовенства, призванных регулировать финансовые взаимоотношения между монархом и церковью. Например, священнослужители бальяжа Алансон просили созывать провинциальные и национальные ассамблеи духовенства по меньшей мере раз в пять лет⁵⁰. В данном случае составители наказа хотели расширить и законодательно закрепить уже существовавшую по факту начиная с XVII в. практику созыва провинциальных ассамблей духовенства один раз в пять лет. Провинциальные ассамблеи занимались главным образом вопросами, связанными с “*don gratuit*”, т.е. с пожертвованиями духовенства в пользу казны. Национальные ассамблеи, помимо “*don gratuit*”, ведали более широким кругом вопросов, связанных с взаимоотношениями с Папским престолом, борьбой с гугенотами, трактовкой взглядов яansenистов и других течений, существовавших в рамках католической церкви. В отличие от церковных соборов ассамблеи духовенства никогда не рассматривали и не претендовали на рассмотрение вопросов о назначении кандидатов на церковные должности.

Еще одной проблемой взаимоотношений церкви и государства был вопрос о разграничении юрисдикции между церковными и светскими судами. Королевская власть последовательно стремилась сузить компетенцию церковного суда. В наказе бальяжа Амьен отмечалось, что “церковное судопроизводство, столь важное и необходимое в деле поддержания благочестия и добрых нравов, практически сведено к нулю действиями светского суда. Священнослужители не перестают возмущаться его произвольным вмешательством в церковные дела”⁵¹. Представители церкви возмущались также и тем, что гражданские суды могли привлечь служителей церкви к ответственности. Они требовали, чтобы первое сословие было подсудно только церковным судам и лишь в особо тяжких случаях (убийство, разбой, государственная измена) дела священнослужителей могли быть переданы светскому правосудию⁵². Словом, духовенство активно выступало против вмешательства королевского правосудия в сферу компетенции церковного суда. Здесь прослеживается реакция на ущемление традиционных вольностей галликанской церкви со стороны королевской власти, когда сфера действия церковного суда ограничивается в пользу суда королевского.

Другое острое противоречие между церковной и светской властями было связано с практикой так называемого “*monitoire*” (увещевания), применяемой во французской правовой системе начиная с XVI в. Судьи могли по своему усмотрению привлекать к судопроизводству служителей церкви, в первую очередь местных кюре, зачастую лично знакомых с участниками процесса и имевших на них определенное влияние. Им предписывалось брать показания у свидетелей или обвиняемых по различным уголовным делам под угрозой отлучения от церкви, если те отказываются сотрудничать со след-

⁴⁸ Ibid., t. 6, p. 28.

⁴⁹ Ibid., t. 2, p. 149.

⁵⁰ Ibid., t. 1, p. 708.

⁵¹ Ibid., p. 733.

⁵² Ibid., t. 2, p. 64.

ствием. Таким образом, королевские судьи использовали авторитет служителей церкви, чтобы с их помощью получать необходимые показания.

Протест против подобной практики звучит в ряде наказов. Духовенство бальяжа Шартр просило короля отменить или ограничить “*monitoire*”, считая это злоупотреблением⁵³. В наказе бальяжа Руан отмечалось, что власти часто используют такую практику, особенно в незначительных и даже смехотворных делах. Поэтому составители наказа требовали применять “*monitoire*” лишь в тех случаях, когда было совершено тяжкое преступление, угрожающее общественному порядку⁵⁴. В данном случае составители наказа выступали против использования авторитета священнослужителей в делах светского правосудия, что подрывало автономию галликанской церкви и доверие населения к ее служителям.

Как ни странно, проблема взаимоотношений между французской церковью и Папским престолом не столь часто поднимается в текстах наказов. Это подтверждает и исследование, проведенное Текеттом, который пришел к выводу, что составители наказов по большей части обходят этот вопрос стороной⁵⁵. Однако требования о большей автономии галликанской церкви от Папского престола имели место, хотя не всегда формулировались открыто. В частности, церковные соборы как механизм взаимоотношений в церковной среде и между церковью и королевской властью можно рассматривать в качестве противовеса влиянию Рима – они усиливали автономию французской церкви.

В нескольких наказах, тем не менее, содержатся особые статьи, посвященные взаимоотношениям французской церкви с Папским престолом. Пожалуй, наиболее четко идеи галликанизма отражены в наказе представителей духовенства бальяжа Берри, которые пишут: “Мы уважаем божественный порядок, установленный Иисусом Христом в отношении управления церковью, и поэтому просим Его Величество обеспечить в королевстве власть и господство священного престола, сохраняя, однако, традиционные свободы галликанской церкви”⁵⁶. Тем самым авторы наказа стремились обеспечить некий баланс между властью Папы как главы католической церкви и королевской властью, сохранив за собой при этом известного рода автономию.

Под свободами галликанской церкви составители наказа понимали прежде всего соборное начало и просили короля регулярно собирать провинциальные церковные соборы, необходимые для того, чтобы устранить все злоупотребления, имеющиеся место в церковной среде, повысить уровень дисциплины, поддержать союз и гармонию между архиепископами и священнослужителями второго ранга (вероятно, имеются в виду приходские священники – кюре, викарии). Представители духовенства подчеркивают, что теперь церковные соборы особенно необходимы в силу повсеместного падения нравов и распространения атеистических идей, грозящих подорвать церковные традиции и авторитет⁵⁷.

Важным компонентом галликанской церкви составители наказа считали также сохранение традиционных полномочий церковного суда. “Мы хотим, – писали они, – чтобы власть архиепископа оставалась незыблемой, чтобы церковный суд сохранял всю полноту своих полномочий, которая не должна быть ущемлена кем-либо”⁵⁸.

В значительном количестве наказов (примерно в 50%) звучат пожелания, связанные с сокращением денежных отчислений в пользу Папского престола. Наказ бальяжа Аваль содержит просьбу не отправлять больше деньги в Рим на аннаты и различного рода разрешения, чтобы священнослужители могли пользоваться этими деньгами в диоцезе для решения тех или иных насущных проблем⁵⁹. Духовенство сенешальства Ажен так-

⁵³ Ibid., p. 623.

⁵⁴ Ibid., t. 5, p. 590.

⁵⁵ Tackett T. Op. cit., p. 175.

⁵⁶ Ibid., t. 6, p. 507.

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Ibid., t. 2, p. 142.

же предлагало отменить аннаты, а сэкономленные деньги направить на поддержание местных кюре⁶⁰. Тема взаимоотношений между церковью и Папским престолом чаще всего связана с денежными средствами, которые французская церковь должна была направлять в Рим.

Итак, составители наказов стремились соблюсти известного рода баланс в отношениях как с королем, так и с Римом. Хотя духовенство выступало в наказах как верный союзник французского монарха в вопросе сохранения существующего государственного устройства без сильных изменений, у него накопилось значительное число претензий к королевской власти, главным образом связанных с назначениями церковных иерархов и вмешательством гражданских судов в церковные дела.

Ряд представителей духовенства выступали за отмену норм Болонского конкордата и за усиление церковной автономии по отношению к королевской власти. Об этом свидетельствуют звучащие в значительном количестве наказов требования о возобновлении церковных соборов, являвшихся важнейшим механизмом взаимоотношений представителей церкви как между собой, так и с королевской властью и Папским престолом. Именно поэтому составители наказов недвусмысленно заявляют о необходимости усиления этого древнего института. О возобновлении церковных соборов как механизма, позволяющего укрепить внутрицерковную дисциплину и восстановить пошатнувшийся престиж католической веры, говорится в 119 из 196 наказов (т.е. более чем в 60% рассмотренных документов). В качестве инструмента для выбора достойных кандидатов на церковные должности соборы рассматриваются в гораздо меньшем числе документов (в 25 наказах, т.е. примерно в 13% от их общего числа). Авторы других наказов оставляют право выбора церковных иерархов за королем, при этом приблизительно в 40% документов говорится о необходимости придерживаться определенных критериев при отборе кандидатов на церковную должность. Таким образом, лишь восьмая часть наказов содержит требование о полной отмене существующего порядка назначения королем кандидатов на церковные должности. Но почти в половине документов на королевскую прерогативу накладываются определенные ограничения.

* * *

В целом можно сказать, что составители более чем половины от общего количества наказов выступали за те или иные изменения в существующей практике назначения на высшие церковные должности.

Что касается взаимоотношений с Ватиканом, то французские священнослужители явно не хотели резкого ослабления власти Папы над галликанской церковью, поскольку считали ее противовесом чрезмерно усилившемуся на протяжении XVI–XVIII вв. влиянию королевской власти.

Здесь налицо проявление традиционного церковного галликанизма, представители которого желали усиления соборного начала в жизни католической церкви. Оно предполагало противовес влиянию Папы римского, а также короля, стремящегося в обход церковных соборов возвести на должность нужного ему кандидата. Однако, как это следует из количественного анализа требований, содержащихся в наказах, духовенство проявляло сдержанность и осторожность, избегая противоречий и с королевской властью, и с Папским престолом.

Очевидно, что накануне революции в рядах духовенства отсутствовало единство в вопросах, связанных с дальнейшим развитием государственно-церковных отношений. Часть первого сословия поддерживала политику королевского галликанизма, ее устраивало вмешательство центральной власти в дела церкви, в то время как другая часть клира ратовала за расширение автономии, за большую независимость французской церкви от королевской власти и Папского престола. Исходя из текстов наказов, можно сделать вывод, что раскол в рядах представителей духовенства, разделивший французский клир

⁶⁰ Ibid., t. 1, p. 678.

на два противоположных лагеря после принятия закона “О гражданском устройстве духовенства” 1790 г., стал логическим оформлением противоречий, назревших еще до революции.

Парадоксальным образом закон “О гражданском устройстве духовенства”, изданный революционным Учредительным собранием, продолжил и, можно сказать, довел до логического завершения политику королевского галликанизма. Представители церкви по сути дела были низведены до статуса обычных чиновников, а французская церковь выведена из подчинения Римскому престолу и полностью переподчинена светскому государству. Сохранявшийся на протяжении многих столетий баланс сил между церковью, королевской властью и Папским престолом был нарушен, что привело к глубокому кризису в среде священнослужителей.